

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК 821.352.2

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-103-113

**КАК ЧИТАТЬ «САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА» ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА?
(ЯЗЫК, ЭТНОГРАФИЯ, АКСИОЛОГИЯ)****Марина Владимировна Битокова**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, mariebitok@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6928-3115>

Аннотация: В настоящей статье текст романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема» рассматривается точки зрения его соотнесенности с реалиями Абхазии 1900–1960-х гг., устройством абхазского быта и культурных феноменов, оказавших значительное влияние на художественное своеобразие данного произведения и творческий метод автора. Представляется важным обратить внимание на те факторы, которые зачастую воспринимаются читателем (вслед за критиками и литературоведами) как декорация или экзотический декор для того смыслового наполнения, которое подразумевает автор при работе над романом. Необходимо взглянуть на чегемский эпос Искандера под новым – абхазоцентричным – углом зрения: то есть при прочтении текста приняв в качестве отправной точки историю и этнографию абхазского народа (преимущественно XX в.), фольклорную традицию, ментальность народа и многие другие факторы.

Представленная статья касается только некоторых из обозначенных аспектов, в частности: атрибутирования героя по одной из его основных социальных ролей (тамада); определения границ хронотопа романа – времени и действия (причем в первом случае имеет большое значение не только абстрактная Абхазия, но и вполне конкретная абхазская усадьба – ее устройство и функционирование); особенности языка романа и попытка определить на каком языке говорят герои – русском или абхазском. Все это представляется особенно важным в связи с теми выводами о возможностях самосохранения народа в современном мире, которые автор приводит в своем литературном завещании, своеобразном постскриптуме к роману «Сандро из Чегема» – повести «Софичка».

Ключевые слова: Фазиль Искандер, текст, метатекст, этнография, хронотоп, русскоязычная проза, роман.

Для цитирования: Битокова М.В. Как читать «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера? (Язык, этнография, аксиология) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 103-113. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-103-113

© Битокова М.В., 2022

Original article

**HOW TO READ "SANDRO FROM CHEGEM" BY FAZIL ISKANDER?
(LANGUAGE, ETHNOGRAPHY, AXIOLOGY)****Marina V. Bitokova**Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, mariebitok@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6928-3115>

Abstract: In this article, the text of Fazil Iskander's novel "Sandro from Chegem" is considered from the point of view of its correlation with the realities of Abkhazia in the 1900s-1960s, the structure of Abkhazian life and cultural phenomena that had a significant impact on the artistic originality of this work and the creative method of the author. It seems important to pay attention not to those factors that are often perceived by the reader (following critics and literary critics) as a decoration or an exotic decor for the semantic content the author implies when working on a novel. It is necessary to look at Iskander's Chegem epic from a new - Abkhaz-centric angle: that is, when reading the text, taking as a starting point the history and ethnography of the Abkhazian people (mainly the twentieth century), folklore tradition, the mentality of the people and many other factors.

The presented article concerns only some of the showed aspects, in particular: attribution of the hero by one of his main social roles (toastmaster); definition of the boundaries of the chronotope of the novel - time and action (what is more in the first case, not only abstract Abkhazia is of great importance but also a very specific Abkhazian estate - its structure and functioning); features of the language of the novel and an attempt to determine which language the characters speak - Russian or Abkhaz. All this seems especially important in connection with the conclusions about the possibilities of self-preservation of the nation in the modern world, which the author cites in his literary testament, a kind of postscript to the novel "Sandro from Chegem" - the story "Sofichka".

Key words: *Fazil Iskander, text, metatext, ethnography, chronotope, Russian-language prose, novel.*

For citation: Bitokova M.V. How to read "Sandro from Chegem" by Fazil Iskander? (Language, ethnography, axiology). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 103-113. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-103-113

© Bitokova M.V., 2022

Введение

Фазиль Искандер как один из ярких русских прозаиков второй половины XX в. прочно вошел в литературный канон с романом «Сандро из Чегема», повестями «Созвездие Козлотура» и «Софичка», циклами «Детство Чика» и «Стоянка человека», повестью-притчей «Кролики и удавы» и другими произведениями. Однако несмотря на этот статус, кажущийся незыблемым, все еще возникают разночтения по идентификации Искандера: считать ли его русским писателем или скорее русскоязычным, относить к шестидесятникам или нет. Сложность атрибутирования творчества Ф. Искандера, вероятнее всего, связана с его амбивалентностью по отношению к русской культуре и литературе: являясь ее частью, он в то же самое время находится как бы вне ее в силу своего этнического происхождения, имеет возможность смотреть на многие вещи со стороны, поскольку вырос в иной ментальности – иной системе координат. В наибольшей степени это заметно по особенностям индивидуального языкового

стиля Фазиля Искандера, в котором русский язык, при всей своей органичности, периодически меняет регистры, создавая ощущение перевода с другого языка, а именно, абхазского. И здесь становится очевидным тот факт, что без понимания некоторых особенностей абхазской (и шире, абхазо-адыгской) ментальности, в том числе и языковой, сложно понять и нюансы искандеровского текста. Если с «глобальным» в романе «Сандро из Чегема» литературоведение так или иначе разбирается, то «локальному» уделяется недостаточное внимание. Именно этим, на наш взгляд, и обусловлена *актуальность* настоящей статьи.

Творчество Фазиля Искандера представляет большой интерес для исследователей, поскольку в нем сходятся многие литературные и культурные тенденции второй половины XX – начала XXI вв. На сегодняшний день творчество его находится в фокусе внимания многих ученых: литературоведов, лингвистов, культурологов и этнографов.

Хрестоматийной для понимания наследия Ф.А. Искандера остается монография Н.Б. Ивановой «Смех против страха, или Фазиль Искандер», опубликованная в 1990 г. Она представляет собой собрание статей по творчеству писателя: проанализирована природа смешного и сатирического у Искандера, соотнесенная с историческим контекстом эпохи, в которую автор создавал основной корпус своих произведений [Иванова 1990].

Особое место творчество Фазиля Искандера занимает в критических и литературоведческих изысканиях видных деятелей третьей волны эмиграции Петра Вайля и Александра Гениса. Статьи «Сталин на чегемском карнавале» [Вайль Генис 1979] и «Творец Чегема» [Генис 2009] внесли существенный вклад в «фазилистику».

Интерес представляет собой сборник Литературного института им. А.М. Горького (2019, № 4), вышедший к 90-летию писателя и полностью посвященный творчеству Ф.А. Искандера. Он состоит из нескольких разделов: «Литературоведение», «Художественный перевод», «Общественные науки», «Литературное образование», «Хроника». Здесь литературное наследие писателя рассмотрено в различных аспектах.

Кроме того, стоит отметить факт наличия нескольких библиографических указателей жизни и творчества Фазиля Искандера: Л.М. Кулаева [Кулаева 1994], З.Б. Михайлова [Михайлова 1982], В.Г. Шелудько [Фазиль Искандер 2016].

Однако следует отметить недостаток статей (как литературоведческих, так и критических), посвященных анализу влияния культурных и этнографических реалий, отраженных в искандеровском тексте, на формирование его системы смыслов. Вопрос о роли изображенных в абхазском метатексте Ф. Искандера реалий так же важен для понимания природы его творчества, как и вопрос о том, какой из языков здесь все же первичен – русский или абхазский.

История публикации романа «Сандро из Чегема» была довольно сложной, а порой и драматичной, в связи с чем вопрос о «каноническом» и окончательном варианте книги довольно долго оставался открытым. Сегодня он исчерпан.

В качестве основного материала данной статьи стал роман Ф.А. Искандера «Сандро из Чегема» (М.: Эксмо, 2009).

Приступая к анализу особенностей романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема», которые принято относить к «региональному компоненту», выполняющих в тексте роль то ли деталей, погружающих в среду, то ли экзотического фона, следует вспомнить слова польского режиссера Анджея Вайды о том, что для того, чтобы понять поэта, совершенно необходимо увидеть его страну. Высказывание это могло бы показаться парадоксальным (учитывая широкие возможности воздействия на читателя литературы и искусства в целом) или неактуальным (в силу доступности сегодня практически любых видов и форм информации). Однако история литературы опровергает этот возможный скепсис: знакомство с родиной писателя/поэта, с местами, где он жил или сформировался как личность, имеет большое значение для любого исследователя и помогает раскрыть новые глубины в наследии того или иного автора.

Особенно это важно для писателей, творчество которых отсылает к традиционному укладу жизни, зиждется на традиции, крепко с ней связано или опирается на этнографические подробности. Именно к таким писателям относится Фазиль Искандер, смысловым ядром творчества которого является так называемый «чегемский эпос»: роман «Сандро из Чегема», цикл рассказов «Детство Чика» и другие произведения («Путь из варяг в греки», «Дедушка», «Козы и Шекспир», «Петух», «Школьный вальс, или Энергия стыда», «Софичка» и др.). События в них развиваются в Абхазии, преимущественно в горной деревне Чегем и городе Мухус (Сухум).

Персонафикация

Анализ основных смысловых центров, в которых заключена «этническая» информация, оказывающая в свою очередь значительное воздействие на формирование художественного и смыслового пространства абхазского текста Фазили Искандера, следует, на наш взгляд, начать с рассмотрения фигуры заглавного героя романа, которая представляется сверхважной. Это не просто сквозной персонаж, связывающий между собой разрозненные части мозаичного сюжета романа, это герой, который собирает воедино искандеровскую концепцию и, несмотря на собирательность образа, обладает особой литературной харизмой и яркой индивидуальностью.

В название романа вынесены два имени собственных – Сандро и Чегем, то есть во многом определяющими роман являются ответы на вопросы «кто?» и «где?». С них и следует начать разговор. Заглавный герой романа – дядя Сандро, плут и трикстер. Иван Чувиляев в статье о романе для портала «Полка» пишет, что этот прием в заголовке книги протягивает от Сандро ассоциативные связи к целому корпусу текстов о странствующих рыцарях, зарифмовывает «Сандро из Чегема» с жанром плутовского романа, благодаря чему фигура главного героя приобретает особенный масштаб – эпический: «Сандро из Чеге-

ма» звучит не хуже, чем «Дон Кихот из Ламанчи»... Сандро из Чегема – имя, достойное странствующего рыцаря, архаичное и величественное»¹.

Читатель довольно подробно помнит сюжеты о его романе главного героя с княжной, встречах с принцем Ольденбургским, танце для Сталина и прочих приключениях. Но довольно сложно установить, что в этих эпизодах является истиной, а что фантазией Сандро. Читателю доподлинно известно о герое только то, что он является вечным тамадой: на любое родовое или сельское торжество его приглашают ради выступления в этом амплуа.

Что же это за роль? В абхазском застолье, в отличие от многих северокавказских традиций, тамадой избирается не старший мужчина дома, а человек, который сумеет удерживать внимание сотрапезников в течение многочасового действия. Поскольку застолье – важнейшая, строго регламентированная часть традиционного уклада жизни абхаза, то, следовательно, и роль тамады довольно высока и пользуется уважением, тем более что является «выборной».

Кабардинцы, ближайшие этнические родственники абхазов, говорят, что время, проведенное за столом, не входит в счет дней, отведенных человеку судьбой. Выходит, тамада обманывает смерть – свою собственную и сотоварищей по застолью, похищая у нее драгоценные минуты, которые к тому же оказываются чрезвычайно наполненными содержательно: общением, информацией, словесной игрой, выстраиванием социальных связей и т.п. И пусть изменить ход истории, гоня стадо коз по нижнечегемской дороге, Сандро не смог, но обмануть Сталина и саму смерть ему удалось не раз, ведь даже по меркам страны долгожителей, какой привычно именуется Абхазия, герой Искандера в начале романа считается уже довольно пожилым человеком.

Хронотон: географический акцент

Так же в заглавие книги вынесен географический фактор: «Сандро из Чегема», то есть первое, что мы узнаем о главном герое, это место его рождения и жительства. Фактор идентичности по географическому признаку крайне важен, поскольку для традиционных обществ идентификация человека чаще всего идет по принадлежности к роду-клану, а идентификация рода – по его принадлежности к месту.

И хотя в первых главах книги мы видим дядю Сандро исключительно в городской среде, в его сухумском доме, от начала до конца книги нам ясно, что он связан с деревней, потому что даже, когда сам он из Чегема уезжает, Чегем из Сандро, что называется, никуда не девается. Для абхаза и сегодня важно после указания фамилии человека обозначить, откуда происходит данный род. Но степень типизации героя Искандера такова, что как раз фамилия (слишком персональный признак) ему не нужна, мы ее ни разу не слышим, гораздо важнее, что этот обобщенный Сандро из Чегема. На пиру со Сталиным он называет себя Чегемба, то есть Чегемский.

---

¹ Чувиляев 2021 – Чувиляев И. Фазиль Искандер. «Сандро из Чегема» // Полка URL: <https://polka.academy/articles/563?block=3084> (Дата обращения: 01.12.2021).

И здесь нужно конкретизировать, что представляет собой Чегем (уроженцем которого был и сам писатель): это местность, ответвление относительно большого села Джгерда. В горной Абхазии это довольно обычное дело: села отселяют свои районы на такие большие расстояния, что те вполне могут считаться самостоятельными деревнями. И другой особенностью Чегема, как и любого горного села в Абхазии, является характер его расположения на местности: от привычного типа деревни ее отличает то, что усадьбы расположены не компактно, а разбросаны далеко друг от друга. Конечно, здесь играет роль то, что холмистый или горный ландшафт позволяет такую рассредоточенность, но обусловлено такое расселение и особенностями традиционной абхазской усадьбы: ее площадь занимает несколько гектаров и включает в себя обширный сад, площадь под посевы кукурузы (основная злаковая культура в рационе абхазов), скотный двор, хозяйственные постройки, дом и летнюю кухню-апацху с открытым очагом, широкий двор, преимущественно засеянный травой и часто с большим могучим деревом посередине.

Эта обширность типичной абхазской усадьбы создает у абхаза ощущение простора: никакой скованности или восприятия Абхазии как «маленькой» страны нет, поскольку изначально человеку предоставлено практически ничем не ограниченная свобода выстраивания пределов собственной жизни, повседневного уклада своей семьи, а то и полное отсутствие границ: заборы или ворота как таковые на усадьбе отсутствуют или играют далеко на главную роль.

Если взять самое начало «Сандро из Чегема» – «От автора», то мы находим описание этого двора и частично самой деревни, хотя и не очень подробное, словно бы рассчитанное на знающего человека: «В жаркий летний день я лежал на бычьей шкуре в тени яблони. Время от времени под порывами ветерка созревшие яблоки слетали с дерева и шлепались на траву.

Иногда они скатывались вниз по косоугору, и сквозь рейки штакетника выкатывались на скотный двор, где паслись свиньи. К этим плодам мы со свиньями бежали наперегонки, и я нередко, опережая их, подхватывал яблоко прямо из-под хрюкающего рыла...

Вот так я лежал в ожидании полунебесных даров и вдруг услышал, как мои двоюродные сестры в соседних домах, одна на вершине холма, другая в низинке, возле родника, перекликаются» [Искандер 2009: 5].

Хронотон: романное время

События «Сандро из Чегема» охватывают более полувека истории Абхазии: примерно с 1905 г. до середины 1960-х гг. – период сложный, и сложность эта связана прежде всего с тем, что именно в этом промежутке происходит коренная ломка традиционного уклада жизни и ментальности. Происходят необратимые изменения в картине жизни абхаза: переселение из труднодоступных горных деревень в прибрежные города, изменение статуса женщины в семье и обществе, замена обычного права писаным законом.

Но хронологии как таковой в романе Искандера нет, и не только потому, что она намеренно нарушена автором и главы идут не по порядку, но и потому что здесь два временных плана накладываются друг на друга: это время исто-

рическое и время эпическое. В первом размещаются бармены и контрабандисты с мандаринами, кофейни и пиршества партийной номенклатуры, во втором – бригады-детективы и думающие мулы, моленные деревья и домашний очаг с дымоходом, наконец, в одном – отец смывает бесчестье дочерей по законам кровной мести, а в другом его судят за это по статье уголовного кодекса.

«Сандро из Чегема» позволяет этим временным пластам накладываться друг на друга, но, кажется, делает это только с одной целью: показать, насколько они неравнозначны, насколько разнятся их границы и измерения. Как в Нартском эпосе нет привычных временных рубежей, за которые читательскому сознанию так привычно было бы зацепиться, так и Искандер создает историю, без конца и начала, без прошлого и будущего, герои его не умирают, а продолжают свое путешествие сквозь время, воплощаясь в своих деяниях вновь и вновь.

Но Фазиль Искандер разрушает и мифологический хронотоп, приводя свой роман к завершению, неумолимому и вполне реальному: Чегем опустел, а вода родника, найденного когда-то стариком Хасаном, из ледяной превратилась в теплую. И все же герои словно продолжают двигаться по собственным орбитам, проложенным их жизнями в художественном временном измерении, они продолжают, потому что словно бы нарочно не дописаны: «Сандро из Чегема» не совсем законченная книга, – говорит Искандер. – Хочется дописать судьбу Тали и некоторых других обитателей Большого дома» [Искандер 2009: 6]. Завершает картину упадка Чегема повесть «Софичка», которая формально не входит в роман, но сюжетно и в смысловом отношении крепко с ним связана.

Пространственно-временное решение чегемского эпоса оценивается Н.Б. Ивановой как широкая аналогия человеческой истории, которая в условиях Чегема, с одной стороны, расщепляется и атомизируется, а с другой достигает предельного обобщения – вплоть до метафоричности и аллегории: «Кавказ Искандера – это не только Причерноморье и кавказские горы. Его Кавказ входит в бассейн Средиземноморья, связанный с античностью, с «золотым веком» человечества. При этом искандеровский мир допускает и современность – он включает в себя и революцию, и Гражданскую войну, в него входят и такие персонажи, как Ленин и Сталин, Хрущёв, колхозы.

Мир героев Искандера – это не только родственники всех, но и современники всех, как дядя Сандро. Искандеровский хронотоп расширяется – для него нужны и античные колонны на морском дне около Мухуса-Сухума, и деревянные танки, которые покатались по мухусскому шоссе с началом гражданской войны» [Иванова 2019: 10-11].

Чегем Искандера – это не только потерянный рай или модель мироздания, это метафорический образ колыбели человечества, это детство вообще – и всего рода людского и каждого отдельного человека: Чика, Сандро или Софички. Поэтому, навверное, вступив однажды в его пределы, читатель краем сознания навсегда остаемся там – ведь это и его детство тоже. Символично, что последняя глава «Сандро из Чегема» называется «Дерево детства».

Язык романа

Фазиля Искандера советская критика иногда относила к категории русскоязычных писателей, но сегодня от этой формулировки практически отказались. И все-таки интересно ответить на вопрос, на каком языке написан роман «Сандро из Чегема»? То есть, основной его текст, конечно, написан по-русски, а вот на каком языке говорят герои романа?

Первый раз с бесспорной ясностью понимаешь, что нам представлен только перевод, в концовке главы «Пастух Махаз», когда герой на русском пытается объяснить милиционеру, что совершил убийство: «Моя резала амагазинахозяин» [Искандер 2009: 445]. Помимо типичных в таких случаях «ошибок» при использовании личных местоимений и согласований в роде, здесь бросается в глаза еще одна особенность: оба существительных начинаются с гласной «а»: это префикс, который ставится в начале имени существительного и, по сути, выполняет функцию определенного артикля, как «the» в английском или «el» в испанском.

Характерно, что этот префикс «а» может отпадать при изменении слова, что доказывает его близость к артиклю. Для примера можно разобрать некоторые прозвища, использованные Фазилем Искандером: Колчерукий или Большеусый. Автор старается найти в русском языке варианты перевода (фактически словесные кальки), максимально близкие по форме к абхазскому варианту: абхазский язык относится к агглютинативным и обладает полисинтетизмом, то есть стремится к выражению смысловых и грамматических значений в максимально сжатой форме, часто в пределах одной словоформы с помощью сложной системы префиксов и суффиксов. И в приведенных примерах мы видим иллюстрацию этого: «колчерукий» и «большеусый» сложные слова. При обратном переводе на абхазский мы получаем Напыхъараць (где анапы – рука, хъараць – короткий, искривленный) и Пацаду (апаца – усы, ду – большой). Как видно, начальный «а» здесь отпадает.

С прозвищем «Большеусый» связан еще один нюанс, характеризующий особенности речевого поведения абхаза: для Сталина чегемцы выбирают прозвище (как для любого из односельчан), тогда как Ленина определяют только с помощью эвфемизма – «тот, кто хотел хорошего, но не успел». Это яркий пример проявления отношения к объекту речи через языковые формулы: иносказание, сложное определение без называния является проявлением уважения, в то время как прозвище остается всего лишь прозвищем и имеет оттенок пренебрежения.

Однако, стоит отметить, что герои рассказа говорят по-абхазски, но сам роман написан все же по-русски, что подчеркивает Н.Б. Иванова: «Фазиль Искандер в большую русскую литературу, в её основной, теперь уже можем сказать, классический корпус принёс Кавказ от своего лица на прекрасном русском языке. Кавказ стал субъектом русской словесности» [Иванова 2019: 8].

Для формирования художественного пространства и стилистического своеобразия прозы Фазиля Искандера оставалась и традиция абхазской устной речи – повседневной, застольной, публичной и т.д. Особое внимание этому аспекту уделяет писатель и историк Денис Чачхалия в статье «О прозе Фазиля

Искандера в контексте традиций устного абхазского рассказа»: «...устный абхазский рассказ был для него не просто источником, он был своеобразной плазмой творчества... Он насыщал его слух колоритом абхазской речи, помогая трансформации жизненных смыслов из одного языка в другой, и в этом процессе неспешно отбиралось то, что было достойно творческого пересказа уже в иной форме» [Чачхалия 2019: 69].

Заключение

Андрей Битов сравнивал Искандера со Львом Толстым «в силе и мощи описания характеров»¹, и можно сказать, что Фазиль продолжил традицию великого русского писателя, развив в XX в. и мысль семейную, и мысль народную. Но с небольшой корректировкой: у Ф. Искандера это скорее мысль этническая. В том смысле, что он попадает в одну из самых животрепещущих проблем нашей эпохи: проблему этнической ассимиляции, стирания особого образа жизни, языка, мировоззрения с карты мира. «Краем детства, – говорит Искандер, – я застал во многом еще патриархальную деревенскую Абхазию и навсегда полюбил ее. Может, я идеализирую уходящую жизнь? Может быть» [Искандер 2009: 7].

Неутешительный прогноз, к сожалению, дает писатель в «Софичке», семантически завершающей «Сандро из Чегема». В судьбе главной героини он отразил не только события российской истории прошлого столетия, но и необратимые трансформации, происходящие с малым этносом под действием этих самых событий. И в противостоянии Софички и ее младшего брата Нури – символа национальной деградации, грубую и несправедливую победу одерживает последний.

Несмотря на то, что сама Абхазия – страна небольшая, абхазу в ней не тесно, он ощущает ее просторной, потому что привык к простору своей усадьбы. И несмотря на то, что история хранит память о лишениях и войнах, абхаз не боится прошлого – в нем есть простор для благородства и порядочности, для формирования кодекса чести – апсуара (абхазство) и его соблюдения. Время растягивается в повседневном труде или во время традиционного застолья. Так и эпос, заключенный в одну книгу и закрученный вокруг одного героя, не испытывает проблем с формами художественного обобщения и выходом за пределы своей литературной формы и заявленной темы – повествования о людях конкретной этнической принадлежности, привязанных к определенной точке на карте.

В качестве итогов настоящей статьи можно вынести следующие тезисы:

1. Метатекст Фазиля Искандера приходит к широким обобщениям через множество подробностей регионального (локального) и этнического характера, касающихся изображения повседневности, быта, исторического сознания, особенностей речевого поведения и т.д.

---

¹Битов А.Г. Обращение Русского ПЕН-центра в Нобелевский комитет // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/arts/57096.html>. (Дата обращения: 16.12.2021 г.).

2. Форма, выбранная Искандером для романа «Сандро из Чегема» ближе всего подходит к плутовскому роману, однако жанр переосмысливается писателем с учетом важных тенденций литературы второй половины XX в.: литературной игры, интертекстуальности, коллажной композиции и т.д.

3. Хронотоп романа при всей внешней «суженности» (Абхазия первой половины XX в.) обладает потенциалом для бесконечного расширения и обобщения, проведения аналогий и выстраивания ассоциативных связей – экстраполяции художественного вымысла на известные или замалчиваемые, часто травматические события истории Советского Союза.

4. Языковые особенности романа «Сандро из Чегема», а точнее, речевого поведения героев, дают представление о билингвальной авторской стратегии, в которой прямая речь героев зачастую представляет собой кодированное высказывание, где читатель, если он не владеет абхазским языком, фактически лишен возможности декодировать ее. Что остается своеобразным авторским ребусом для читателя.

5. Каждый из рассмотренных нами факторов имеет непосредственное воздействие на формирование художественных особенностей текста, более того, нейминг (номинология), пространственно-временные характеристики, а тем более особенности языковой организации и есть те «несущие конструкции» литературного текста, которые создают возможности наполнения его смыслами и развития внутренних связей между ними.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Вайль Генис 1979 – *Вайль П., Генис А.* Сталин на чегемском карнавале // *Время и мы.* – 1979. – № 42. – С. 150-168.

Генис 2009 – *Генис А.* Творец Чегема // *Новая газета.* 06 марта 2009 г. № 23. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2009/03/05/43657-tvorets-chegema>. (дата обращения: 16.12.2021).

Иванова 2019 – *Иванова Н.Б.* Мир и миф Фазиля Искандера // *Вестник Литературного института имени А. М. Горького.* – 2019. – № 4. – С. 8-13.

Иванова 1990 – *Иванова Н.Б.* Смерть против страха, или Фазиль Искандер. – М.: Советский писатель, 1990. – 320 с.

Искандер 2009 – *Искандер Ф.* Сандро из Чегема. – М.: Эксмо, 2009. – 1104 с.

Кулаева 1994 – *Кулаева Л.М.* Ф. А. Искандер: библиография // *Библиография.* – 1994. – № 6. – С. 57-61.

Михайлова 1982 – *Михайлова З.Б.* Фазиль Искандер: библиогр. указ. – Ульяновск, 1982. – 160 с.

Фазиль Искандер 2016 – *Фазиль Искандер – писатель, мудрец, философ: библиографический указатель* / авт.-сост. Валентина Шелудько. – Москва: Библиотека – культурный центр Фазиля Искандера. – 2016. – 160 с.

Чачхалия 2019 – *Чачхалия Д.К.* О прозе Фазиля Искандера в контексте традиций устного абхазского рассказа // *Вестник Литературного института имени А. М. Горького.* – 2019. – № 4. – С. 68-70.

REFERENCES

VAIL' P., GENIS A. *Stalin na chegemskom karnavale* [Stalin at the Chegem carnival] IN: *Vremya i my*. – 1979. – № 42. – S. 150-168. (In Russ.).

GENIS A. *Tvorets Chegema* [Creator of Chegem] IN: *Novaya gazeta*. 06 marta 2009 g. № 23. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2009/03/05/43657-tvorets-chegema>. (data obrashcheniya: 16.12.2021). (In Russ.).

IVANOVA N.B. *Mir i mif Fazilya Iskandera* [FazilIskander's World and Myth] IN: *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A. M. Gor'kogo*. – 2019. – № 4. – S. 8-13. (In Russ.).

IVANOVA N.B. *Smert' protivstrakha, ili Fazil' Iskander* [Death against fear, or FazilIskander]. – M.: Sovetskii pisatel', 1990. – 320 s. (In Russ.).

ISKANDER F. *Sandro iz Chegema* [Sandro from Chegem]. – M.: Eksmo, 2009. – 1104 s. (In Russ.).

KULAEVA L.M. *F.A. Iskander: bibliografiya* [F.A. Iskander: bibliography]. IN: *Bibliografiya*. – 1994. – № 6. – S. 57-61. (In Russ.).

MIKHAILOVA Z.B. *Fazil' Iskander: bibliogr. ukaz.* [Fazil Iskander: bibliographer. decree.]. – Ul'yanovsk, 1982. – 160 s. (In Russ.).

Fazil' Iskander – pisatel', mudrets, filosof: bibliograficheskii ukazatel' [Fazil Iskander - writer, sage, philosopher: bibliographic index] / avt.-sost. Valentina Shelud'ko. – Moskva: Biblioteka – kul'turnyi tsentr Fazilya Iskandera. – 2016. – 160 s. (In Russ.).

CHACHKHALIYA D.K. *O proze Fazilya Iskandera v kontekste traditsii ustnogo abkhazskogo rasskaza* [About the prose of FazilIskander in the context of the traditions of oral Abkhaz story] IN: *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A. M. Gor'kogo*. – 2019. – № 4. – S. 68-70. (In Russ.).

Информация об авторе

М. В. Битокова – кандидат филологических наук.

Information about the author

M. V. Bitokova – Candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 24.12.2021 г.; одобрена после рецензирования 14.01.2022 г.; принята к публикации 26.01.2022 г.

The article was submitted 24.12.2021; approved after reviewing 14.01.2022; accepted for publication 26.01.2022.